

А. В. Суржко*

Общее и различное в этнических субъектах СССР и районах национальной автономии КНР (1930–1980-е гг.)

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена проблемам национальной политики СССР и КНР с акцентом на особенности административно-территориального деления. В работе рассмотрен феномен советских этнических субъектов и китайских автономий. Выявлены положения конституционных актов, регламентирующих их работу и функционал. Уделено внимание практической реализации идей федерализма и автономии. Проведен сравнительный анализ национальной политики двух стран, показаны преимущества и недостатки каждого из данных путей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: СССР, Китай, автономии, этнофедерализм, конституция, нации, этносы, национальный вопрос

Российско-китайские отношения насчитывают уже более четырехсот лет и за это время в своем развитии они прошли через многие этапы, а у стран появилось множество точек соприкосновения. Одной из таких точек является многонациональный состав населения, который формировался различными путями на протяжении нескольких столетий.

В XX в. национальный вопрос в обоих государствах обострился до такой степени, что неверный способ его решения грозил полным распадом для государств. Первыми уникальным способ

---

* Суржко Антон Валерьевич, магистрант кафедры всеобщей истории Гуманитарного института Сибирского федерального университета (Красноярск), surzhkoanton@yandex.ru

удовлетворить возрастающие амбиции различных наций нашли большевики, построив советское государство на принципах этнического федерализма, позволив территориям, отличающимся национальным составом объединяться в автономии и входить в состав РСФСР [8, с. 15]. Особенность создаваемых автономий заключалась в том, что все они получили наименование по названию той нации, ради которой создавались. В научной и общественной среде за такими нациями закрепилось название «титulyных». Так именовались та часть населения субъекта федерации, которая дала ему официальное наименование. Большинство субъектов РСФСР было образовано по территориальному принципу, но этнический фактор при проведении административно-территориальных преобразований с тех пор стал играть одну из ключевых ролей.

Примечательно, что на путь построения федерации большевики встали только после Октябрьской революции, объявив ее переходной формой на пути к полному единству наций, в то время как в ранние годы В. И. Ленин был убежденным противником федерализма [15, с. 31]. В декабре 1924 г. И. В. Сталин в качестве двух главных факторов подобной эволюции партии по национальному вопросу отмечал фактическое отделение целого ряда национальностей от России в ходе революционных событий и Гражданской войны, а также серьезный удельный вес национального движения, что значительно осложняло задачу объединения государства [15, с. 31].

К опыту СССР через несколько десятилетий обратился его восточный сосед — Китай, где в 1949 г. к власти пришла коммунистическая партия. Примечательно, что до образования КНР китайские коммунисты не выработали каких-либо принципиальных решений в сфере национального вопроса, что во многом предопределило ориентацию на «советского брата».

Манипулируя лозунгами самоопределения, коммунисты пытались сдерживать сепаратистские настроения, а потому в их риторике просматривались как идеи федерализма, так и идеи унитаризма. В итоге менее чем за месяц до провозглашения КНР будущий глава правительства Чжоу Эньлай выступая перед делегатами Народного политического консультативного совета Китая (НПКСК) подтвердил право национальностей на самоопределение, уточнив, что строительство федеративной республики в Китае не является целесообразным [11, с. 150–153]. Уже в самом начале процесса строительства коммунистического государства руководство КПК сделало исторический выбор в пользу унитаризма с созданием автономий. Коммунистическое правительство

в этом смысле пошло по пути исторической китайской традиции, которой был чужд федерализм. Любопытно, что примерно таких же взглядов на построение государства до 1917 г. придерживался В. И. Ленин, который в то время был противником федерации.

29 сентября 1949 г. I сессия НПКСК приняла Общую программу («Общая программа Народной политической консультативной сессии Китая» *Чжунго жэньминь чжэньчжи сешан хуэйи гунтун ганлин* 中国人民政治协商会议共同纲领), которая на протяжении следующих пяти лет являлась основным конституционным актом молодой Китайской Народной Республики, провозглашенной через два дня после принятия программы. Шестой раздел временной конституции был полностью посвящен политике по национальному вопросу [6, с. 91].

Документ провозглашал равноправие национальностей Китая и запрещал национальную дискриминацию, гнет или действия, направленные против сплочения национальностей. Указывалась необходимость создания национальных автономий в тех районах, где большинство населения составляют национальные меньшинства (то есть не ханьцы) и создание для них органов национального самоуправления с обязательным представительством местных национальностей. При этом всем меньшинствам гарантировалось свободное развитие своего языка и письменности, сохранение или изменение своих обычаев, традиций и религиозных убеждений. Право выхода из состава республики при этом отсутствовало [6, с. 91].

Первая полноценная Конституция КНР была принята Всекитайским собранием народных представителей 20 сентября 1954 г. По своему содержанию она была максимально приближена к Сталинской конституции 1936 г. [18, с. 105]. Этому факту способствовало то, что в ее разработке (равно как и в разработке других первых законодательных актов коммунистического Китая) принимали участие советские юристы. Наиболее известны имена таких специалистов как Н. Г. Судариков, Б. С. Быков и А. Е. Лунев, которые занимали посты главных советников при политико-юридической комиссии ЦК КПК [17, с. 143].

В этом контексте будет нелишним обратиться к содержанию советской Конституции 1936 г., а также выработанной на ее основе Конституции РСФСР 1937 г. по вопросам административно-территориального деления и национальных особенностей. Необходимо отметить, что этнический федерализм в СССР к моменту принятия основного закона в 1936 г. окончательно сформировался и успел в значительной степени устояться. Субъекты, образо-

ванные по этническому признаку, были четко выстроены по иерархии, в зависимости от предоставляемого им статуса.

Наиболее высоким статусом обладали союзные республики (ССР), образующие единое советское государство. Им конституционно было разрешено иметь свои основные законы (конституции), гарантировалось право выхода из Союза, неизменность территории без их согласия (однако право утверждать изменения границ между республиками оставалось за союзным центром) [7, с. 15–18]. Союзные республики также имели свои органы власти — Верховный Совет, Совнарком (позднее — Совет министров) и т. д. По внешним признакам они напоминали «государства в государстве», но на деле были полностью подконтрольны тому же центру.

Более низкий статус был у автономных республик (АССР). Они имели такие же атрибуты, как и ССР (конституция, территория и т. п.), однако были подвластны той союзной республике, на территории которой располагались и обладали меньшей степенью самостоятельности. 19 из 24 существовавших в разное время автономий входили в состав РСФСР. Кроме того, в Конституции не было прописано право выхода автономий из состава Союза или перехода из одной союзной республики в другую [7, с. 24–36].

Автономные области, национальные округа и национальные районы представляли собой автономные образования, входящие в состав других регионов (краёв, областей). Как правило, их автономия сводилась к принципу «учиться и разговаривать на родном языке» [10, с. 359], то есть в большей степени распространялась на культурную жизнь, нежели на политическую. Конституционно им гарантировалось право иметь представительство в высших органах власти СССР, организовывать на местном языке государственные органы, школы, театры и другие общественные и социокультурные учреждения [22, с. 53]. Большинство национальных округов и национальных районов также располагались в территориальных границах РСФСР и в основном служили для приобщения наиболее малочисленных и отсталых народностей Севера к государственному строительству.

Столь сложная система административно-территориального деления объясняется тем фактом, что первоначально советское государство строилось на принципах автономизации, при котором этнические территории создавались в рамках РСФСР. Создание СССР же происходило на принципах федерализации, советские республики формально получили равный статус и, заключив между собой союз, образовали новое государство.

Причина того, что одни национальности получили более широкие права государственного самоуправления, чем другие, на

официальном уровне объяснялась различием уровней их экономического и культурного развития. Такая точка зрения подразумевала, что большая широта прав государственной самостоятельности является и большей тяжестью государственного управления. В итоге национальности более слабые в экономическом и культурном отношении, требующие большей поддержки со стороны государства, получили меньшую степень самостоятельности [1, с. 30]. Такая эластичность и подвижность форм автономий позволяла решать национальный вопрос применительно к реальным условиям жизни различных народов. Кроме того, в процессе развития народов, форма их автономии могла эволюционировать в более широкую. Ярким примером такой эволюции может служить преобразование в 1930 г. Хакасского округа в Хакасскую автономную область, а двух бурятских автономных областей — в Бурят-Монгольскую АССР.

Возвращаясь к китайской Конституции 1954 г. необходимо отметить, что она включила в себя шестой раздел программы НПКСК и практически дословно повторяла его. Подтверждалось единство многонационального государства и равноправие всех национальностей. Право национальностей использовать и развивать свой язык и письменность, а также сохранять или изменять свои нравы и обычаи было отныне закреплено конституционно. Упоминание о религиозных убеждениях, однако, в редакцию Конституции не вошло [6, с. 97–98].

Основной закон КНР подразумевал создание автономий четырех уровней — автономные районы (приравненные к провинциям), автономные округа, автономные уезды и национальные волости (во Внутренней Монголии также существовали хошуны, имевшие статус уезда) [6, с. 97–98].

Таблица 1. Иерархия автономных образований СССР и КНР

	СССР	КНР
1 уровень	Советские республики (ССР)	Автономные районы (自治区 <i>цзычжицзюй</i>)
2 уровень	Автономные республики (АССР)	Автономные округа (自治州 <i>цзычжичжоу</i>)
3 уровень	Автономные области, национальные округа, национальные районы	Автономные уезды (自治县 <i>цзычжисянь</i>)
4 уровень		Национальные волости (民族乡 <i>миньцзусянь</i>)

Основной привилегией для автономий была возможность осуществлять руководство при помощи органов самоуправления. Их работу регламентировал пятый раздел Конституции. Формы органов самоуправления автономии могли выбирать самостоятельно. Подразумевалось, что каждая национальность должна иметь определенное число своих представителей в местных собраниях и во Всекитайском собрании народных представителей.

В 1964 г. также был принят Закон КНР о районной национальной автономии, более подробно регламентировавший их правовой статус. В советском государстве подобного нормативного акта не существовало. Согласно закону «районная национальная автономия является основной политической формой марксистско-ленинского разрешения КПК национального вопроса, одним из важнейших институтов политической системы страны» [6, с. 97–98]. В обязанность автономных органов самоуправления входило сохранение единства страны. Создание автономных образований, а также установление их границ и наименований было возможно лишь после консультаций местных органов с вышестоящими инстанциями и утверждения Государственного совета.

Очевидно то, что автономии в Китае не повторяли прецедента СССР и не создавали предпосылки для развития собственной государственности у неханьских народов, и не давали им какой-либо доли суверенитета. У них не было права выхода из состава КНР, они не обладали собственными конституциями (им было лишь дано право разрабатывать внутренние положения об автономии). На местах хоть и существовали автономные правительства, но носили они исключительно номинальный характер. Автономия была лишь способом обеспечить национальным меньшинствам возможность участвовать в работе органов местного самоуправления и высших органов власти, а также возможностью сохранить национальную идентичность разных этносов. Вероятно, что в вопросах административно-территориального деления Сталинская конституция хоть и была основным ориентиром для Китая (по крайней мере, относительно иерархии автономных образований), но всё-таки не была слепо скопирована и адаптировалась под китайские реалии.

В отличие от Советского Союза, в основном завершившего строительство этнических субъектов и определившего основные принципы национальной политики еще в середине 1930-х гг., Китай растянул этот процесс на несколько этапов. Этот факт во многом объясняется постепенным ухудшением отношений между КНР и СССР с последующим ослаблением влияния последнего

на своего восточного соседа. Китай все больше предпочитал идти по собственному, отличному, от советского пути развития, в том числе и в решении национального вопроса.

Первый этап в строительстве автономий в КНР условно можно датировать 1949–1957 гг. За этот период было создано два из пяти существующих ныне автономных района (Внутренняя Монголия и Синьцзян-Уйгурский), 23 из 30 автономных округа и 68 автономных уездов [3, с. 125–138].

Примечательно, что в отличие от «советского брата» китайские автономии получали название исходя не только из этнического принципа, но и из географического: наименование большинства из них образовано из двух слов, первое из которых является указанием на географическое название территории, а второе — на национальность, осуществляющую автономию. При этом, как и в СССР, территориально одни автономии Китая могли входить в состав других. Не исключено, что таким образом руководство обеих стран стремилось сдерживать местный сепаратизм.

Конституция 1954 г. официально действовала в КНР более двадцати лет, но при этом она не смогла принести стабильности в китайское общество. За период её действия китайское руководство по инициативе Мао Цзэдуна провело три громкие кампании («Пусть расцветают сто цветов», «Большой скачок» и «культурная революция»). По ряду причин во время этих кампаний нормальное функционирование права было приостановлено, что не могло не сказаться на жизни автономий.

Вышеназванный период (1949–1957 гг.) был относительно либеральным и ознаменовался не только активным строительством автономий, но и их развитием. Руководство КНР в этот период уделяло большое внимание социальным преобразованиям в национальной политике. Например, количество начальных школ для неханьцев в период с 1951 по 1955 гг. увеличилось на 198% (с 9 100 до 27 100), а количество средних школ за этот же период — на 148% (со 117 до 290). Система здравоохранения в некоторых национальных районах создавалась практически с нуля [12, с. 183]. В области национальных обычаев руководство компартии провозглашало принцип невмешательства и возможность нацменьшинствам самим определять роль и место традиционности в своей жизни, что на практике зачастую оставалось лишь декларацией.

Однако даже в этот период власти КНР предпринимали немало практических шагов для фактического ограничения автономий. Так, в том же 1954 г. провинция Суйюань 绥远 была присоединена к автономии Внутренней Монголии с целью увеличить

долю ханьского населения и несколько «смазать» этническую самостоятельность региона. В дальнейшем этот опыт не раз практиковался при создании новых автономий. Их смысл также нивелировался кадровой политикой, итогом которой стало то, что зачастую ведущие роли в органах самоуправления занимали ханьцы. Нередко национальная политическая элита под каким-либо предлогом подвергалась репрессиям со стороны властей [14, с. 68].

Интересно, что меры по сдерживанию этнических субъектов с целью недопущения сепаратизма предпринимались и в СССР, правда, на два десятилетия раньше. Так, реальная власть в регионах осуществлялась не государственными органами, а партийным аппаратом, при этом все коммунистические партии республик являлись филиалами ВКП(б) и подчинялись ее ЦК. Кроме того, существовало негласное правило, согласно которому, первым секретарем центрального комитета партии был представителем титульной нации, но вторым секретарем при нем был русский, в задачи которого входило, в том числе, осуществление контроля за действиями первого секретаря [13, с. 371]. Подобные же меры предпринимались в отношении руководителей госбезопасности на местах (вне зависимости от структуры — НКВД, МГБ или КГБ). Стоит оговориться, что принцип «демократического централизма», причем в довольно жестком варианте, существовал и в Китае [21, с. 37–40].

Кроме того, правительство СССР не предусмотрело никакого нормативного акта, регламентирующего выход какого-либо субъекта из состава СССР. Соответствующий закон был принят лишь в 1990 г. Данный тезис позволяет сделать вывод о том, что все права, гарантируемые этническим субъектам, на практике оставались лишь декларацией. Советское государство носило ярко выраженный централизованный характер, являясь федеративным лишь де-юре, полностью самостоятельно местные власти могли решать лишь узкий круг вопросов.

Изменения территориальных границ этнических субъектов с целью разбавления «титульной нации» другим населением также имели место, однако на практике применялось советским руководством не так часто и носило не столь радикальный характер. Бывали случаи, когда территории, традиционно населенные коренными народами, передавались в состав «русских» субъектов [4, с. 131]. В качестве примера может служить факт передачи нескольких аймаков (районов) Бурят-Монгольской АССР (традиционно населенных бурятами) в состав Читинской и Иркутской областей в 1937 г., где они растворялись в числе русского населения [4, с. 131].

Как в СССР, так и в КНР в национальных территориальных образованиях титульные нации не всегда составляли большинство населения. Так, например, число казахов в Казахской ССР составляло 29%, а киргизов в Киргизской ССР — 38%, то есть значительно меньше половины. В автономии Внутренней Монголии доля ханьцев в 1980-е гг. составляла около 85%, а в Гуанси-Чжуанском автономном районе — более 60% и т. д. (на более раннем этапе существования КНР число ханьцев в автономиях было ниже, но даже тогда оно превышало 50%). Такая ситуация, безусловно, еще больше запутывала и без того непростые межэтнические отношения в двух государствах. Более того, зачастую титульная нация не являлась даже самой крупной в субъекте.

Советская власть, при этом, всегда старалась придерживаться курса на ускорение интеллектуально-культурного уровня ранее отсталых народов (многие из которых даже не имели письменности на раннем этапе существования советского государства). Политика развития коренных (титульных) народов имела целенаправленный характер и предусматривала ускоренное развитие отстающих регионов, систему льгот, квот и преференций для становления культуры, литературы, искусства, для подготовки национальной интеллигенции [16, с. 297].

Уместно будет привести некоторые примеры. Так, к началу 1930-х гг. доля национальных кадров в местных партийных организациях составляла в Белоруссии 60%, на Украине — 36%, Татарстане — 33%, в Закавказье — 30% [20, с. 129]. В то же время более 90% белорусских, киргизских и татарских школ функционировали на родном языке [5, с. 167].

Политика «коренизации» была главной линией национальной политики советской власти, что означало ориентацию государства в этих регионах на коренные народы. Удовлетворяя их интересы, советская власть автоматически укрепляла свои позиции на местах. При этом в скором времени вскрылись негативные тенденции данной политики, которые проявились в появлении децентрализаторских тенденций, усилении местного национализма, дискриминации «неместного» населения и т. д.

Результатом этого стал переход к политике русификации и борьбе с «национал-уклонизмом», которая являлась одним из инструментов подавления национальной элиты (как политической, так и интеллектуальной) и нашла практическое выражение в виде политических репрессий — нередко в 1930-е гг. представители нацменьшинств обвинялись в «буржуазном национализме», желании отколоться от партии и государства. Именно по этому об-

винению, в частности, был репрессирован мусульманский политический деятель М. Х. Султан-Галиев. В дальнейшем, впрочем, советское руководство старалось соблюдать разумный баланс между «коренизацией» и «русификацией».

Маоистский Китай был гораздо менее последователен в своей национальной политике и в отношении к неханьским народам. С 1957 г. началось открытое наступление на автономии, практическим выражением которого стало усиление репрессий против неханьских общественных деятелей, гонения на неханьское духовенство, фактическое прекращение развития национальных языков, изъятие и уничтожение национальной литературы. Отдельного упоминания заслуживает политика слияния национальностей посредством перемешивания представителей разных народов в рамках одной коммуны. Китайские идеологи обосновывали её тем, что в коммунах трудились люди разных национальностей, а потому отношения между ними строились по принципу принадлежности к коммуне, а не по принадлежности к какой-либо национальности [2, с. 41].

Обращает на себя внимание тот факт, что данные процессы совпали с началом ухудшения советско-китайских отношений и сменой ориентиров КНР в своем политическом развитии.

Итоги этой, по меньшей мере, неоднозначной политики, были закреплены в новой Конституции КНР, принятой 17 января 1975 г. Из ее текста были исключены положения о путях решения в Китае национального вопроса. Не вошли в основной закон также прежние установки, запрещавшие дискриминацию по национальному признаку. Автономные права национальных районов в этом документе также не определялись, а органы их самоуправления устанавливались в формах, определенных для обычных административно-территориальных единиц. Из основного закона исключались статьи о правах и свободах неханьских национальностей — возможности развивать собственные языки и письменность, сохранять или реформировать национальные обычаи [6, с. 101–106]. Комиссия ВСНП по делам национальностей была распущена.

Институт автономий на этом этапе развития КНР был фактически упразднен. Впрочем, Конституция не отменяла национальное равенство и право пользоваться собственным языком. Сохранялись также и некоторые бытовые аспекты национальной политики, такие как функционирование на местных языках телепередач, газет и книг.

Вскоре после смерти Мао Цзэдуна в 1976 г. была принята новая Конституция КНР. Она восстанавливала некоторые формулировки основного закона 1954 г. относительно положения нацио-

нальных меньшинств и национальных автономий, однако коренным образом ситуацию изменить не могла [6, с. 106–115].

Несмотря на это, новое руководство Китая достаточно четко понимало ошибки своих предшественников. В 1978 г. Третий пленум ЦК КПК XI созыва подверг критике почти все установки политики партии в национальном вопросе, такие как слияние национальностей, классовый подход в этнической политике, борьба с местным национализмом в ущерб борьбе с великоханьским национализмом. Перемены в отношении автономий были отражены в новой Конституции КНР 1982 г. (которая с изменениями действует и в настоящее время).

Были восстановлены основные права районов национальной автономии, в том числе: права на издание положений об автономии и отдельно действующих положений, на формирование местных отрядов общественной безопасности (вооруженные силы, целью которых была охрана общественного порядка в районах национальной автономии), на особые финансовые права. Вместе с тем конституцией впервые зафиксировано правило занятия некоторых должностей в органах самоуправления районов национальной автономии гражданами тех национальностей, которые осуществляют районную автономию. Из таких граждан должны избираться главы правительств районов национальной автономии и председатели или заместители председателей постоянных комитетов Собраний народных представителей этих единиц. В действующей Конституции КНР, как и во всех предшествующих, не содержится право наций на самоопределение и право на государственность неханьских народов, но при этом им гарантируется обеспечение законных прав и интересов, защита и развитие равноправия, сплоченности и взаимопомощи [6, с. 115–131]. Эти пункты во многом соотносились с первым основным законом КНР 1954 г.

Через два года после принятия Конституции, в 1984 г., был принят новый Закон о районной национальной автономии. Этот акт является основным законом, конкретно гарантирующим превращение в жизнь основных принципов и положений Конституции относительно национальной районной автономии.

С начала 1980-х гг. начался новый, завершающий, этап в строительстве национальных автономий — одних только автономных уездов в данном десятилетии было образовано более 50 [3, с. 125–138]. Восстановление прав автономий совпало с новым витком их социального развития. Так, например, согласно статистике к концу XX в. количество больничных коек в автономиях увеличилось в разы (с 5 700 в 1952 г. до 392 000 в 1998 г.) [3, 125–138].

За несколько лет до этого СССР принял последнюю в своей истории Конституцию (1977 г.). В отношении административно-территориального деления и национального вопроса она никаких новшеств не привнесла, лишь официально узаконив власть КПСС как ядра политической власти по всему союзу, формально еще больше укрепив власть центра (фактически же именно в эти годы в этнических субъектах усиливалась роль местной элиты, многие представители которой в дальнейшем сыграют значительную роль в демонтаже СССР). Также Конституция переименовывала национальные округа в автономные, без какого-либо значимого изменения их правового статуса [9, с. 13]. Отсутствие каких-либо серьезных перемен косвенно свидетельствовало не только о стабильности советского общества, в том числе и в национальном вопросе, но и в нежелании руководства замечать назревающие проблемы.

В качестве вывода необходимо отметить, что, несмотря на определенную схожесть в проведении административно-территориальной и национальной политики, СССР и КНР прошли совершенно разные пути. Советское государство представляло собой сложную федерацию, субъекты которой в большей степени походили на государственные образования, суверенитет которых был ограничен. Несмотря на это до конца 1980-х гг. советскому руководству удавалось спланировать многочисленные этносы в рамках единой страны, чему способствовали определенные системы сдержек. Однако нельзя отрицать того факта, что в СССР имели место выступления разного рода национальных меньшинств (Тбилисские события 1956 г., Каунасские события 1972 г. и т. п.), а межэтнические противоречия постепенно накапливались (что, естественно, замалчивалось на официальном уровне). Социальный и политический кризис эпохи перестройки послужил катализатором для их обострения в 1980–1990-е гг. Российская Федерация после распада СССР сохранила этнофедеральную форму государства, унаследовав целый ряд проблем, вызванных этим явлением.

Коммунистический Китай, в свою очередь, пошел по пути унитаризма, допуская создание автономных образований в составе республики. Однако долгое время институт автономий в КНР существовал лишь номинально, а непродуманная и зачастую ничем не обоснованная национальная политика значительно усугубляла межэтнические отношения в стране. Стабилизировать ситуацию удалось лишь в начале 1980-х гг., когда центральное правительство взяло курс на восстановление автономий и поддержку дружественных отношений между ханьцами и национальными меньшинствами.

С начала 1990-х гг. в Китае, однако, участились проявления сепаратистских настроений. Например, Уйгурские сепаратисты совершили ряд терактов как на территории СУАР, так и в других провинциях страны. Уйгурский сепаратизм во многом стал лишь поводом к усилению унитаризма. Китайское руководство сочло необходимым усилить связи национальных окраин с центральными и восточными регионами. В качестве главного метода по стабилизации внутривластной обстановки правительство Китая рассматривало обеспечение высоких темпов экономического роста этих районов. Этот курс был закреплён в новой редакции Закона о национальной районной автономии 2001 г.

В настоящее время руководству КНР удалось снизить социальную напряжённость в районах проживания национальных меньшинств, а также обеспечивать национальную безопасность и стабильные позиции государства в системе международных отношений. Лидеры государства стремятся проводить гибкую политику в отношении автономных районов, в том числе поощряя внутреннюю миграцию, которая может способствовать единению разных народов [19, с. 86].

Национальная политика Пекина направлена в основном на решение внутренних проблем, оказывающих влияние на экономическое развитие и безопасность страны. Для этого привлекаются ресурсы как самих национальных автономий, так и всего Китая, включая при необходимости весь арсенал средств, в том числе силовые.

Источники и литература

1. *Архипов К. А.* Советские автономные области и республики. М., 1925. 162 с.
2. *Буяров Д. В.* Национальная политика Китая в конце 1950-х – начале 1970-х гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. — 2016. Т. 8. № 1. С. 39–43.
3. *Буяров Д. В.* Традиционный Китай на пути к модернизации. М.: Красанд, 2020. 320 с.
4. *Зандраева А. Б.* Этническая история бурят в свете этнодемографических процессов // Вестник Томского государственного университета. — 2007. № 295. С. 130–131.
5. *Капеллер А.* Россия — многонациональная империя: возникновение, история, распад. М.: Прогресс-Традиция, 1997. 343 с.
6. *Кузнецов Д. В.* Конституционные акты Китая. Хрестоматия. Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2014. 190 с.

7. *Кузнецов Д. В.* Советские конституции. Хрестоматия. В 4 частях. Часть 3. СССР, 1936–1977 гг. Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2015. 418 с.

8. *Кузнецов Д. В.* Советские конституции. Хрестоматия. В 4 частях. Часть 1. Первые советские республики, 1918–1922 гг. Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2015. 156 с.

9. *Кузнецов Д. В.* Советские конституции. Хрестоматия. В 4 частях. Часть 4. СССР, 1977–1991 гг. Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2015. 616 с.

10. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 19. М.: Политиздат, 1967. 627 с.

11. *Манько В. А.* Китайские традиции в подходе к принципу самоопределения народов многонационального Китая // Современное право. — 2010. № 7. С. 150–153.

12. *Москалев А. А.* Национальный вопрос в КНР (1949–1994). М., 1996. 215 с.

13. *Прожилов Г. А.* Федерализм, этничность и демократия: проблемы взаимоотношений // Вестник Казанского технологического университета. — 2014. № 3. С. 370–375.

14. *Рахимов Т. Р.* Национализм и шовинизм — основа политики группы Мао Цзэдуна. М.: Мысль, 1968. 120 с.

15. *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1946. 423 с.

16. *Старостенко К. В.* Государственная национальная политика в России в условиях этнополитического многообразия // Вестник Бурятского государственного университета. Педагогика. Филология. Философия. — 2010. № 5. С. 294–299.

17. *Тан Шичунь.* Советские юристы в Китае (1949–1960) // Проблемы Дальнего Востока. — 2019. № 6. С. 142–149.

18. *Троцинский П. В.* Правовая система Китайской Народной Республики: становление, развитие и характерные особенности // Вестник университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). — 2015. № 5 (9). С. 99–117.

19. *Фролова И. Ю.* Особенности национальной политики КНР на современном этапе // Международная политика. Проблемы национальной стратегии — 2018. № 5 (50). С. 71–86.

20. *Хмара Н. И.* Из опыта национально-государственного строительства в СССР (1920-е – 1930-е годы) // Отечественная история. — 2006. № 3. С. 126–139.

21. *Чжэн Кай.* Национально-территориальная автономия в КНР: законодательное регулирование // Конституционное и муниципальное право. — 2008. № 9. С. 37–40.

22. Шармоянц А. Н. Особенности правового статуса автономных округов в советский период // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. — 2015. № 1 (67). С. 50–56.

Anton V. Surzhko*

Similarities and Differences in National Republics of the USSR and the National Autonomous Regions of the PRC (1930-1980s.)

ABSTRACT: The article is devoted to the problems of the national policy of the USSR and the PRC with an emphasis on the peculiarities of administrative-territorial division. The paper considers the phenomenon of the Soviet national republics and the Chinese autonomies. The provisions of constitutional acts governing their functioning are identified. Attention is paid to the practical implementation of the ideas of federalism and autonomy. A comparative analysis of the national policies of the two countries is carried out, the advantages and disadvantages of each of these ways are shown.

KEYWORDS: USSR, China, autonomies, ethno-federalism, constitution, nations, ethnic groups, national issue

---

* Surzhko Anton Valerievich, Master Student, Department of World History, Institute of Humanities, Siberian Federal University (Krasnoyarsk), surzhkoanton@yandex.ru